

М.А. Шабасова

Англо-американское россиеведение и транзитология: академические дебаты 1990-х гг.

В 1990-е гг. советология, дисциплина занимавшаяся исследованием стран коммунистического блока, оказалась в состоянии глубокого кризиса. Причиной этого стала неспособность большинства советологов предсказать распад Советского Союза. Кроме того, после нейтрализации СССР как стратегического противника Соединенных Штатов встал вопрос и о целесообразности продолжения масштабных советских, российских или восточнославянских исследований. С другой стороны, на протяжении более чем 40 лет своего относительно обособленного от других общественных наук существования советология сумела предложить собственные концепции, разработала свой понятийный аппарат и обладала монополией на исследование региона. Поэтому неудивительно, что с 1991 г. начались споры о дальнейшей судьбе советологии, анализ ее ошибок и достижений.

Критика прежде всего касалась ревизионистского подхода, занимавшего в 1970–1980-е гг. ведущие позиции в советских исследованиях и акцентировавшего свое внимание на проблемах советского общества, и, в частности, на таких вопросах, как национализм, русификация, взаимоотношения элиты и масс, рост бюрократизации [1]. Ревизионисты считали, что использование понятий и характеристик, применимых для западных стран, вполне уместно и при описании СССР. В 1980-е годы большинство советологов с оптимизмом смотрело на перспективы Советского Союза: советская система представлялась вполне реформируемой и способной двигаться путем модернизации по образцу демократических государств Европы и Америки. Примером подобного взгляда на будущее СССР стали взгляды Дж. Хафа, заявлявшего в 1991 г., что позиции советского лидера видятся исключительно прочными, республики, несмотря на происходившие там волнения, останутся частью Союза, реформы в экономике имеют шансы на успех, а КПСС способна сохранить доминирующее положение в стране, став неким подобием мексиканской Институционально-революционной партии или японской Либерально-демократической партии [2]. Как отмечал П. Рутланд, «критические замечания по поводу возможностей советской системы имели место только на периферии дисциплины с ультраправых или ультралевых позиций» [3].

В 1990-е гг., когда шел процесс критического переосмысливания методологии и теоретических разработок советологических исследований, предпринимались попытки суммировать слабые стороны дисциплины. М. Малиа, справедливо полагая, что советология по сути является синтезом исследований в области экономики, политологии, социологии и истории советской системы, проанализировал недостатки каждой из четырех составляющих.

По мнению М. Малиа, плановая экономика Советского Союза, изучаемая с помощью методов и теорий, разработанных для рыночной экономики (большую популярность завоевала теория валового национального продукта), не-

изменно получала более высокие оценки, чем она того заслуживала. Примером подобного взгляда на положение вещей, повлиявшим на дальнейшие исследования, стал труд А. Бергсона «Реальный национальный доход Советской России с 1928 г.», изданный в 1961 г. Опираясь на данные, полученные с помощью модифицированных западных моделей измерения, автор пришел к выводу, что с 1928 г. по 1940 г. советский ВВП вырос более, чем на 60%, являя собой свидетельство впечатляющего экономического роста страны.

Перенос западных теорий и представлений на советскую действительность ощутимо сказался и на политологических исследованиях, где наиболее устойчивыми характеристиками Советского Союза стали такие понятия, как «развитие», «авторитаризм» и «плюрализм». Сторонники такого подхода к СССР верили, что построение социализма является всего лишь вывеской, за которой достигаются банальные цели экономического развития. Что же касается политического устройства страны, то сталинский тоталитаризм сменился обычным авторитаризмом при последователях «великого вождя», а советская система управления вполне могла бы называться «институциональным плюрализмом», так как казалось, что различные учреждения и местные органы власти пользуются достаточной автономией от центра.

Проецирование западных моделей на СССР коснулось и социологии, представители которой пришли к выводу, что советская система хорошо «работала» потому, что была подлинно социальной системой, где все инициативы исходили «снизу вверх». Игнорируя коммунистическую партию и советское государство, придававшие Советскому Союзу особый колорит, социологи, как, впрочем, и политологи, и экономисты, отказывались признавать уникальность СССР и, по мнению М. Малиа, имели дело с придуманным ими же самими государством.

Стремление видеть Советский Союз как нормально развивающееся государство сопровождалось попытками реабилитировать советскую историю, а именно: создать положительный образ Октябрьской революции, нэпа, индустриализации и остальных мероприятий сталинского режима [4].

Таким образом, согласно господствующей в конце 1980-х гг. парадигме в советских исследованиях, СССР вполне мог считаться государством, успешно продвигающимся по пути модернизации, обладающим позитивным историческим опытом и имеющим шанс быть обновленным «перестройкой». Распад Советского Союза продемонстрировал беспричинность оптимизма западных советологов. Большая часть экспертов называет одни и те же слабые стороны советских исследований и, хотя список мог варьироваться и быть немного длиннее или короче, есть основания говорить об общепринятых недостатках дисциплины. П. Рутланд выделяет семь важнейших причин, приведших к методологической и теоретической несостоятельности советологии:

- академическая объективность страдала из-за политических пристрастий советологов, которые относились к Советскому Союзу или чересчур доброжелательно, или чересчур враждебно, в зависимости от того, придерживались ли они правых или левых взглядов;

- советские исследования оставались весьма слабыми в методологическом отношении в силу своей обособленности от других общественных дисциплин;

- советологам не хватало хорошего знания языков и истории региона, особенно его нерусской части;

- те, кто пытались вести исследования в самом СССР, сталкивались с непреодолимыми препятствиями: ненадежной информацией или вовсе отсут-

вием данных, закрытым доступом к важным материалам, преднамеренным искажением фактов со стороны советских чиновников и ученых;

- ведущие специалисты в области советологии тяготели к тому, чтобы выступать в роли пророков или экспертов на телевидении, чем заниматься достойными исследованиями, изыскивая эмпирические данные или руководя докторантами;

- в силу профессиональной, личной или политической конкуренции большинство ученых-эмигрантов остались «за бортом» советологии, утратившей, таким образом, возможность обогатиться за счет знаний непосредственных свидетелей советской действительности;

- финансовая зависимость от правительства позволяла разведывательным и военным ведомствам вмешиваться в академические исследования [5].

Некоторые критики советологии сосредотачивали свое внимание на одном из факторов. Среди недостатков в изучении СССР называлось недостаточное внимание к национальному вопросу. Пренебрегая значимостью национального фактора, советологи не рассмотрели в волнениях на советских окраинах непосредственную угрозу для советской системы. А. Янов, А. Мотыль, С. Коэн и А. Даллин обвиняли советологию в излишней политизации и осуждали склонность советологов отождествлять свои цели с нуждами своих государств [6]. В. Коннор подчеркивал излишнюю сосредоточенность исследователей на вопросах, касающихся экономики, военной мощи советского государства и политической элиты. Оставляя проблемы культуры, национализма и свободы религии вне поля зрения, советологи теряли возможность адекватно реагировать на изменения в советском обществе и в государствах, находившихся под влиянием СССР [7]. Советологи заблуждались, делая прогнозы дальнейшего экономического развития Советского Союза, видя, по меньшей мере, сохранение прежних показателей, тогда как экономический рост замедлялся. Многие ученые жаловались на «устаревание» советологии из-за ее изоляции от других гуманитарных наук.

В 1990-е гг. интерес к советским исследованиям и проблемам Восточной Европы значительно упал. Некоторые полагали, что советология исчезла вместе с СССР. А. Ноув писал: «Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла» [8]. М. Кокс, разделяя такой подход, писал, что «распад СССР не просто повредил теориям советологов, но, в первую очередь, похоронил советологию как дисциплину» [9].

Другие отстаивали ту точку зрения, что советология обрела другое название и содержание и, став постсоветологией или россиеведением, продолжила свое существование. Некоторые считали, что советские исследования должны уступить место компаративным исследованиям и, в частности, транзитологии. А. Бейхман назвал преемницу советологии путинологией. На его взгляд, ельцинский интеррегnum не представляет никакого интереса из-за своей анархичности и неопределенности, в то время как В. Путин является для России знаковой фигурой и его можно поставить в один ряд с советскими лидерами [10]. С. Хансон полагал, что советология перестала быть отдельной дисциплиной, а постсоветология влилась в основной поток политологии [11].

Наследницей советологии времен «холодной войны» и разрядки можно считать современные российские и восточноевропейские исследования или, если говорить об одной России, россиеведение. Такое название дисциплины имеет слабые стороны, так как исключает государства Средней Азии и Кавка-

за. Однако оно получило распространение, потому что другие варианты, как, например, посткоммунистические или евразийские исследования, кажутся еще более уязвимыми.

В области российских и восточноевропейских исследований сейчас трудятся многие бывшие советологи, являющиеся, пожалуй, лучшими специалистами постсоветских государств. В отличие от компаративного изучения постсоветского пространства, сторонники регионального подхода ставят ударение на феноменальность исторического пути как в целом Восточной Европы, так и каждого отдельно взятого государства. Тематами постсоветологических исследований стали выборы, экономические реформы, национальное строительство и все те проблемы, которые наполняют послеперестроечную действительность в Российской Федерации и других постсоветских государствах. Несмотря на заимствование некоторых новейших методик, предлагаемых современными общественными науками, полного синтеза регионального и компаративного подходов так и не произошло, и россиеведение, продолжая традиции советологии, продолжает свое несколько обособленное существование общественно-гуманитарных дисциплин.

На сегодняшний день россиеведение не может представить какой-либо единой научной школы, предлагая общественности громадный спектр подходов и теорий. Широко распространенная дискредитация тоталитарной модели в англо-американской советологии 1970-х гг. сопровождалась очевидным отходом от построения теорий и создания научных моделей [12]. Ученые-россиеведы, участвовавшие в ряде конференций о новой историографии России, «согласились, что они не хотели бы создавать новые школы, новые исследовательские проекты, новую моду, или начинать новую борьбу. Они стремились прежде всего ставить новые вопросы, а не стараться найти окончательные на них ответы, приглашая коллег взглянуть на историю, свободную от школ, партий и от самой идеи одного объективного, истинного прошлого» [13]. С одной стороны, существующее многообразие мнений, безусловно, обогащает дисциплину. Однако в то же время следствием такого плюрализма является отсутствие фундаментальных трудов как результата накапливаемых и передаваемых от одного поколения ученых к другому знаний и опыта. Весьма условно специалистов, работающих в данной области, можно разделить на три направления. Значительная часть ученых считает возможным объяснить уникальность региона через его историю и культурные ценности. Часть специалистов видит причины трудностей в процессе демократизации посткоммунистических государств (и особенно России) в беспрецедентной слабости государства. И, наконец, некоторые эксперты ограничиваются констатацией сложности переходного периода в посткоммунистических государствах и его отличия от трансформации в Латинской Америке и на юге Европы [14]. Кроме научных затруднений, российские и восточноевропейские исследования столкнулись с проблемой недостаточного финансирования, связанной с потерей былого интереса со стороны правительств западных стран к постсоветскому пространству. Возможно, отсутствие денежных средств негативно скажется и на дальнейшем изучении региона и не позволит российским исследованиям преодолеть имеющиеся трудности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лаптева, Е.В.* Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 90-х годов / Е.В. Лаптева // Отечественная история. – 2004. – № 2. – С. 159.

2. **Лукин, А.В.** Англоязычная советология и общественные науки в России / А.В. Лукин // США: экономика, политика, идеология. – 1995. – № 9. – С. 50.
3. **Rutland, P.** Post-Sovietology Blues: Reflections on a Tumultuous Decade / P. Rutland // Democratizatsija: The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2003. – Vol. 11. – Is. 1. – P. 134.
4. **Малия, М.** Из-под глыб, но что? / М. Малия // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 95–102.
5. **Rutland, P.** Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong / P. Rutland // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / edited by Michael Cox. – London; N. Y.: Pinter, 1998. – P. 37.
6. **Remington, T.** Common Knowledge: Soviet Political Studies and the Problem of System Stability / T. Remington // Beyond Soviet Studies / Edited by Daniel Orlovsky. – Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press, 1995. – P. 159.
7. **Connor, W.** Why Were We Surprised / W. Connor // American Scholar. – 1991. – Vol. 60. – Is. 2. – P. 176.
8. **Меньковский, В.И.** Англо-американская советология после распада СССР / В.И. Меньковский // Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2002. – № 2. – С. 31.
9. **Kennedy-Pipe, C.** Getting It Right, Getting It Wrong: The Soviet Collapse Revisited / C. Kennedy-Pipe // International Affairs. – 1999. – Vol. 75. – Is. 2. – P. 369.
10. **Beichman, A.** Putinology Study // <http://hnn.us/roundup/comments/4067.html>
11. **Hanson, S.** Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization / S. Hanson // Democratizatsija: The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2003. – Vol. 11. – Is. 1. – P. 145.
12. **Urban, M.** Does Post-Sovietology have a Future / M. Urban, S. Fish // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / edited by Michael Cox. – London; N. Y.: Pinter, 1998. – P. 177.
13. **Бурбанк, Д.** Новые течения в американской историографии о России: власть и культура / Д. Бурбанк // <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y11997/ao60/articke.shtml>
14. **Gel'man, V.** Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective / V. Gel'man // Europe-Asia Studies. – 1999. – Vol. 51, № 6. – P. 91.

S U M M A R Y

The article deals with the main tendencies in the development of the Russian and East Slavonic studies in the 1990-s. The special attention is paid to the crisis of Sovietology and its main faults and mistakes. The debatable and contradictory issues of the contemporary Anglo-American historiography devoted to Russia are shown as well.

Поступила в редакцию 12.02.2007